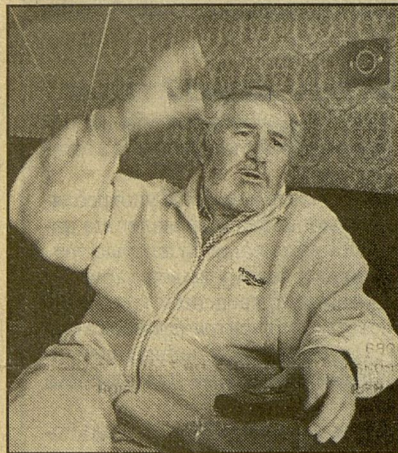

БИТВА ЗА «СТАЛИНГРАД»

Начальнику Главпура нравилось, когда одной гранатой подбивали три танка

23 мая исполняется 80 лет со дня рождения Григория Наумовича Чухрая. Недавно издательство «Алгоритм» выпустило его книгу «Моя война». А в ближайшее время в том же издательстве выходит продолжение воспоминаний выдающегося режиссера «Мое кино», где он рассказывает о том, как снимались фильмы «Баллада о солдате», «Чистое небо», «Трясина» и другие. Предлагаем вниманию наших читателей отрывок из этой книги.

Самой большой моей мечтой было создать фильм о Сталинграде. Я участвовал в боях за Сталинград с первого до последнего дня Сталинградской битвы, в составе 3-го воздушно-десантного корпуса, срочно переименованного в 33-ю стрелковую дивизию. Историки считают, что с боя в станице Чернышевской началась Сталинградская битва. Этот бой вела наша дивизия. Я участвовал в этом бою.

Двадцатилетний лейтенантик знает только то, что сам видел и пережил, а этого недостаточно, чтобы снять фильм такого масштаба. Я это понимал и принялся за изучение этой битвы по нашим и зарубежным источникам.

Судьба подарила мне счастье встретиться с маршалами Жуковым, Рокоссовским, Коневым, генералом Лелюшенко, адмиралом Сергеевым. Беседы с ними дали мне очень много такого, чего я не мог узнать из книг и от историков. Я не только понял, но и почувствовал «изнутри» как готовилась и развивалась эта великая битва.

Когда был готов первый вариант сценария, я подал его в Госкино в качестве заявки на фильм. Заместитель председателя Госкино долго слушал мой комментарий, ничего не сказал, но его реакция вселила в меня тревогу. Скоро меня принял для беседы начальник Главного Политического Управления армии генерал Епишев. Оказалось, что он уже успел ознакомиться со сценарием.

— Нам не нужна окопная правда, — ошарашил меня генерал. — Вы покажите, как бойцы были рады победе, как они гордились ей!

— В том-то и дело, что этого не было, — возразил я. — Ликовали другие люди, ликовал мир, и я это показал. А мы, солдаты, чув-

ствовали только усталость. Мы понимали, что нам еще предстоит освободить огромную территорию от Волги до Берлина, и хотели только одного: отдохнуть после бессонных ночей. Но этого нам не было дано. Нас полняли и приказали спешно идти на Ростов, чтобы перекрыть пути отступления армии Манштейна.

Эпизодом «Дивизия на марше» заканчивался наш сценарий. Это была правда. Не «бытовая», не «окопная», а художественная и историческая правда. Мне не хотелось делать из фильма о Сталинграде святочную историю.

Но Епишев стоял на своем. Сталинград в это время был не в моде. Наша пропаганда из кожи лезла, воспевая подвиг Брежнева на Малой земле. Эту холуйскую задачу выполнял и Епишев. Я с великим уважением отношусь к любой битве в Отечественной войне. Я чту память живых и мертвых участников каждой битвы. Для меня все они одинаково святы. Но историческое значение каждой битвы и ее последствия на ход войны не равноценны...

Спор был неравный и кончился словами Епишева:

— Я вам войска на съемку не дам.

Это был удар в самую душу. Я понимал: жаловаться некому. Не помню, как покинул его кабинет и потом пролежал три дня в состоянии полной апатии. Меня угнетала обида за сотни моих товарищей, знакомых и незнакомых, которые погибли, защищая Сталинград. Угнетало положение, при котором — у кого власть, тот и герой войны.

Прошли месяцы. Я пытался получить столь важную для меня постановку, ходил в ЦК, пытался что-то доказать. Там разводили

руками: «Главпур — отдел ЦК. Мы ничего не можем сделать».

Однажды мне позвонил режиссер Юрий Озеров.

— Гриша, ты не обижаешься?

— За что?

— Мне поручили снимать фильм о Сталинграде.

Это был еще один удар в самое сердце. Я сразу не мог ответить, а в трубке звучали какие-то слова Озерова.

— У меня нет исключительного права на эту тему, — наконец, сказал я. — Надеюсь, что ты снимешь хороший фильм.

... Когда вышел фильм, я не без волнения пришел в просмотровый зал, чтобы увидеть, что у Озерова получилось. Я не испытывал чувства ревности, я подавлял в себе это чувство многие месяцы, пока фильм снимался. То, что я увидел, повергло меня в глубокий шок. О Сталинграде, битве, в которой немцы потерпели не только военное, но моральное поражение, после которой немцы навсегда перестали наступать и началось наше победное наступление до Берлина, фильм не рассказал практически ничего. Это был фильм на потребу его величества мещанина: о сражении, в ходе которого сын Хрущева по пьянке убил своего товарища. В фильме была «отражена тема интернационализма»: какой-то еврей, переправляясь на плоту со своей частью, вез с собой в кровавые бои «свой национальный инструмент» — скрипку. Вот уж чего нельзя было представить себе при самой бурной фантазии, зная, что творилось в Сталинграде! Показали скрипку и забыли о ней. Так же мельком было сообщено, что в Сталинградском сражении погиб сын Долорес Ибарури, Рубен.

Глядя на это, я думал: исторический фильм ничего общего не имеет с перечислением фактов. О Рубене, как и о других солдатах, нельзя говорить походя. И, конечно же, в фильме была «отражена» любовь. Влюбленный, в разгаре боя, снимал со своей возлюбленной каску, чтобы запечатлеть поцелуй, а вокруг рвались снаряды и мины, свистели пули. Кинематографический сержант не понимал, что подвергает возлюбленную смертельной опасности. «Чего не сделаешь ради любви!» Там были еще голенькие девушки-связистки, моющиеся в бане, на радость любителей сцен «ню». Оскорбляли и подробностями боя: бросит боец гранату, и сразу загораются три-четыре немецких танка. А я-то знал, что значит подбить только один танк, — сколько солдат погибло, пытаясь это сделать.

В произведении искусства каждый факт раскрывает сущность явления. В фильме ничего этого не было — только набор пошлостей. И это — о величайшей битве XX века. Великолепная работа оператора Игоря Слабневича придавала фильму характер масштабного зрелища, но не спасала фильм от пошлости.

Иногда я думал, что мое критическое восприятие продиктовано ревностью, и что фильм не такой уж плохой, как мне представляется. Об этом не мне судить. Пусть каждый, кто посмотрит этот фильм, составит о нем собственное мнение.

А я-то надеялся показать в своей картине много такого, о чем зритель до сих пор понятия не имеет. Но мой сценарий так и увяз где-то в недрах аппарата Госкино.

С сокращениями.

Вет. кино
— 2001,
— 18 мая,
— с. 15

25

18 мая 2001 г.

Чухрай Григорий